

Сталин – Гитлер: стратегическая дуэль

Александр Сенявский

Существуют объективные закономерности функционирования любых самоорганизующихся систем, включая социальные организмы, в том числе государств в системе международных отношений.

Они достаточно просты: каждое государство стремится к самосохранению, внутренней устойчивости (прочности), максимизации располагаемых им ресурсов, влиятельности, то есть расширению внешнего контроля и минимизации внешнего вмешательства, а именно обеспечению суверенитета.

Для решения этих взаимосвязанных задач используются различные (экономические, дипломатические, военные и другие) средства.

Если государство отказывается от решения этих задач, то его ждет участь ослабления, распада, косвенного подчинения или даже поглощения другими странами (в различных вариантах), осуществляемых мирными или военными средствами.

Внутреннее развитие и внутренняя политика тесно взаимосвязана с внешней политикой.

Выбор целевых приоритетов и средств их достижения во многом определяется как объективными возможностями страны, так и субъективным фактором: доминирующей в данном обществе ментальностью, в том числе идеологией, существующим механизмом принятия решений высшей властью, зависящим от общественно-политического устройства, конкретными личностными качествами лидеров. Для решения своих внешнеполитических задач государства неизбежно вступают в коалиции, которые усиливают их потенциал в противостоянии конкурентным це-

СЕНЯВСКИЙ Александр Спартакович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра “Россия и СССР в истории XX века” Института российской истории РАН.

Ключевые слова: международные отношения в Европе, внешняя политика СССР и Германии, межвоенный период, политическая стратегия, “стратегические игры”.

лям других стран и увеличивают возможность реализации собственных задач. Коалиции могут быть, по сути, конфронтационными (враждебными другим) и неконфронтационными (относительно редко).

Естественно, исторически меняются системы международных отношений. Сохранение или обретение суверенитета государств не всегда благо для их народов и нередко может быть в интересах только государственной бюрократии и элиты. Так, в современных условиях глобализации региональная интеграция ведет к сознательному и добровольному отказу от значительной части суверенитета в странах Западной Европы; на очереди и другие регионы. Но для рассматриваемой нами эпохи 20-х – начала 40-х годов XX в. – перечисленные выше закономерности оставались правилом. В этих закономерностях – объективный, фундаментальный источник возникновения Второй мировой войны. Естественно, для того чтобы она разразилась необходимо было еще множество конкретных условий и факторов реализации.

По проблеме развития международных отношений межвоенного периода, в том числе истокам Второй мировой войны написано море литературы.

Нас интересует лишь один аспект: как в этом глобальном контексте складывались отношения СССР и Германии как главных противников этой войны, от которых в решающей степени зависел ее исход.

По этой проблематике также имеется немалая весьма дискуссионная историография, болевыми точками которой, в частности, являются обвинения Сталина в заключении пакта с фашистской Германией и вопросы: “Ковался ли фашистский меч в СССР?” и “Собирались ли Сталин первым нападать на гитлеровскую Германию?”.

Постановка обоих вопросов представляется упрощенной, а второй еще и вряд ли имеет достоверный ответ: мысли, намерения Сталина нам недоступны, по документам они не реконструируются однозначно и непротиворечиво; факты форсированной подготовки СССР к войне также говорят лишь о закономерных действиях государства в ситуации готовившейся и тем более разразившейся мировой бойни. В том числе и намерение СССР вести оборонительную или наступательную войну

зависело от множества привходящих факторов.

Например, Сталин, безусловно, был рад столкновению крупнейших “империалистических хищников”, но он никак не ожидал, что Франция окажется такой легкой добычей гитлеровской Германии. И начинать войну один на один с почти всей подмятой под Германию Европой, да еще не завершив ни ключевые планы индустриализации, ни перевод промышленности на военные рельсы, ни мобилизацию армии и т.д., и т.п., – было слишком рискованным, а Сталин был расчетливый прагматик. Так что неопределенностей в изучении предвоенных международных отношений и проблемы военно-политической стратегии Сталина, в частности, предостаточно.

Целесообразно привлечь в качестве инструмента интерпретации динамики развития международных отношений дополнительные средства исторической реконструкции, например, на базе теории игр.

Что может дать эта теория историку? Она предоставляет средства моделирования конкретного среза исторического процесса, рассматриваемого в определенном ракурсе “конфронтационных (и коалиционных) игр участников с собственными целями”.

Теория игр рассматривает неопределенные, в частности, конфликтные ситуации, “в которых сталкиваются интересы двух (или более) сторон, преследующих разные (иногда противоположные) цели, причем выигрыш каждой из сторон зависит от того, как себя поведут другие. ...

Цель (теории игр) – выработка рекомендаций по разумному поведению участников конфликта. ...

Конфликтующие стороны условно называются “игроками”, одно осуществление игры – “партией”, исход игры – “выигрышем” или “проигрышем”.

В игре могут сталкиваться интересы двух или более участников; в первом случае игра называется “парной”, во втором – “множественной”.

Участники множественной игры могут образовывать коалиции (постоянные или временные). ...Множественная игра с двумя или более постоянными коалициями, естественно, обращается в парную. Развитие игры во времени можно представить как ряд последовательных “ходов” участников.

Стратегией игрока называется совокупность правил, определяющих выбор варианта действий при каждом личном ходе в зависимости от сложившейся ситуации.

...Оптимальной стратегией игрока называется такая, которая обеспечивает ему наилучшее положение в данной игре, то есть максимальный выигрыш¹¹.

Основной принцип теории игр – принцип осторожности (“принцип минимакса”), который рекомендует выбирать ту стратегию, при которой наш минимальный выигрыш максимален: “поступай так, чтобы при наихудшем для тебя поведении противника получить максимальный выигрыш¹²”.

Как правило, минимаксные стратегии меняются под влиянием информации о поведении другой стороны (сторон), и происходит корректировка или полная смена собственного поведения.

Здесь нет возможности раскрывать аппарат и многочисленные “нюансы” теории игр. Обозначим лишь соотношение его с категориями международных отношений и результат его приме-

нения в анализе избранной проблематики.

Формальные правила “международной игры” определяются системой действующих в данный мирный период международных и двусторонних договоров, реальные, – учитывая формальные, – строятся на фактическом соотношении сил, определяемых, в частности, наличием открытых и тайных коалиций.

Исходную позицию для длительной стратегической игры задала новая расстановка сил и система международных отношений, сложившиеся в результате исхода Первой мировой войны.

Страны Антанты, прежде всего США, Англия и Франция, закрепили свою победу Версальским мирным договором 1919 г.

Согласно договору, Германия выплачивала огромные репарации, теряла 1/8 территории, 1/10 населения, значительную часть экономического потенциала, отказывалась от колоний, подвергалась существенному ограничению суверенитета, в том числе военным ограничениям (армия не должна была превышать 100 тыс. чел., всеобщая воинская повинность отменялась, ликвидировался генеральный штаб, предельно ограничивалась подготовка офицерских кадров, запрещалось иметь тяжелую артиллерию, танки, подводные лодки, авиацию, резко ограничивался военно-морской флот).

И все же крайне ослабленная Германия и после войны оставалась одним из основных международных игроков.

Аналогичные потери и ограничения коснулись союзников Германии (Австрии, Венгрии, Болгарии, Турции).

Так, территория Венгрии сократилась в 3, а население в 2,5 раза.

Потенциал этих стран в системе международных отношений не имел самостоятельного значения, а только – в коалициях.

Потрясенная революцией и заключившая сепаратный мирный договор с Германией Россия также понесла огромные потери от войны. Она подверглась интервенции не только со стороны Германии, Турции, но и недавних союзников из Антанты, а также Японии и США. Но окончание Гражданской войны в результате победы советской власти на большей части бывшей Российской Империи сохранило Россию (СССР) в качестве одного из основных международных игроков (хотя в первые послевоенные годы лишь потенциально).

И все же именно страны-победительницы, прежде всего США, а также Англия и Франция (владевшие к тому же огромными колониальными империями), а также наращивавшая военно-экономический потенциал Япония становились главными действующими субъектами мировой политики, естественно, с весьма конкурирующими друг с другом в разных областях и регионах мира интересами. Это проявилось, прежде всего, в определении конфигурации послевоенного мирового устройства, получившего название версальско-вашингтонской системы.

Германский реваншизм был в решающей степени продуктом версальской системы.

Германия, как крупная индустриальная страна с укоренившимся национальным самосознанием, мощным научно-промышленным потенциалом, народом, воспитанным “прусской школой”, в условиях национального унижения, резкого ограничения государственного суверенитета, экономических, военных, геополитических и иных возможностей, должна была бороться против версальских пут, за – по крайней мере – восстановление суверенитета, расширение своего потенциала и внешнего влияния.

Это она и делала различными способами в течение многих лет по разным направлениям. Возможности ее были предельно ограничены, что усугублялось и внутренней социально-политической напряженностью и потрясениями.

“Конечные” политико-стратегические цели определялись не только возможностями страны, но и идеологией правящей элиты.

Именно Германия, независимо от конкретных политических сил, стоявших у власти, больше всех была заинтересована в сломе сложившегося соотношения сил в мире и системы международных отношений.

Именно она выступала инициатором и самым активным участником большой международной политической игры.

Еще одним активным участником игры со своими целями был СССР, с одной стороны, многое потерявший в Первой мировой, а с другой – формировавший политику под влиянием идеологии, в которой существенное место занимали идеи “мировой пролетарской революции”.

Ни преувеличивать, ни преуменьшать значение этого фактора не следует, так как он, безусловно, влиял на советский внешнеполитический курс, хотя из самоценного постепенно трансформировался в инструмент государственных интересов СССР.

Эта политика становилась все более прагматичной, сообразовавшейся с реальными возможностями, которые у обоих указанных субъектов “большой игры” были крайне ограничены.

Мы не станем здесь подробно разбирать все “партии” этой игры, тем более что и ее правила, и цели участников в течение двух десятилетий не разменялись. Обозначим лишь основные этапы и их результаты.

Весь межвоенный период можно разделить на две стадии: до 1933 г. и после, поскольку приход Гитлера к власти принципиально изменил весь расклад международных сил и правила игры: из преимущественно дипломатической она превращается в силовую.

Две страны-“изгоя” (по разным причинам) естественно сближались друг с другом. Основой решения внешних стратегических задач в условиях Веймарской республики была “политика маневрирования”, а также балансирования между Востоком и Западом. В соответствии с ней были установлены дипломатические отношения с Советской Россией, в 1922 г. был подписан Рапальский договор, ставший основой почти десятилетнего сотрудничества двух стран в разных областях. Оно было взаимовыгодным, потому что, во-первых, основывалось на взаимодополняемости потенциалов двух стран, во-вторых, препятствовало дипломатической, экономической и др. изоляции обоих государств.

Германия играла также на противоречиях Франции и Англии, борющихся за гегемонию в Европе и использовавших для этого вопрос о репарационных платежах.

США, имевшие собственные и экономические, и политические интересы в Европе, вели свою игру.

Они были заинтересованы, во-первых, в Германии как полноценном экономическом контрагенте; во-вторых, в ней же – как полноценном политическом субъекте европейской политики, конкурирующем с Англией и Францией; в третьих, как в силе, спо-

собной противостоять “экспансии большевизма”.

Вмешательство США с планом Дауэса*, согласно которому с 1924 по 1932 гг. Германии были предоставлены огромный заем и капиталовложения почти в 32 млрд. марок, позволило ей восстановить экономику, военно-промышленный потенциал и выплачивать репарации. Целью плана была ликвидация революционного движения в Германии на основе экономического подъема, а также – в перспективе – ориентация будущей германской экспансии на Восток.

Этому способствовали локарнские договоры 1925 г., гарантировавшие границы западных соседей Германии, но не предусматривавшие аналогичных гарантий для ее восточных соседей, а также вступление Германии в 1926 г. в Лигу Наций.

Вместе с тем, Германия не взяла на себя никаких антисоветских обязательств, тем самым, сохраняя на данном этапе свободу рук.

Торговый договор 1925 г. между Германией и СССР и договор о нейтралитете 1926 г. закрепляли свободу маневра германского правительства.

Между тем уже в 1925 г. правящие круги Германии сформулировали программу-минимум, которая заключалась в восстановлении довоенных позиций, в том числе возврат колоний, изменение восточных границ, присоединение Австрии. В конце 20-х годов был поставлен вопрос об ослаблении военных ограничений Версальского договора, началось строительство 4-х броненосцев.

С приходом Гитлера к власти меняется вся сущность международных от-

* *План Дауэса* – репарационный план для Германии, разработанный международным комитетом экспертов под представительством американского банкира Ч. Дауэса, был утвержден 16 августа 1924 г. на Лондонской конференции представителями держав-победительниц в Первой мировой войне. Он предназначался для восстановления в рамках Версальского договора экономически сильной и платежеспособной Германии.

ношений, поскольку Гитлер еще в середине 20-х годов в Библии фашизма “Майн Кампф” откровенно высказал претензии на мировое господство. Его расовая теория в сочетании с идеей захвата жизненного пространства делала внешнюю политику фашистской Германии откровенно реваншистской, милитаристской и агрессивной. Причем Гитлер открыто обозначил главных своих врагов в Европе: Францию как давнего соперника на континенте и Россию как “источник жизненного пространства”.

“Нам нужна не западная ориентация и не восточная ориентация, – писал он в “Майн Кампф”, – нам нужна восточная политика, направленная на завоевание новых земель для немецкого народа. Для этого нам нужны силы, для этого нам нужно, прежде всего, уничтожить стремление Франции к гегемонии в Европе, ибо Франция является смертельным врагом нашего народа, она душит нас и лишает нас всякой силы”².

Англию и Италию Гитлер в тот момент рассматривал как потенциальных союзников, тогда как Россию – как главный объект экспансии.

“Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, – откровенничал он, – мы, конечно, можем иметь в виду только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены”².

Эта идеологическая и внешнеполитическая платформа Гитлера и обозначила рамки, а в известной мере и правила “большой игры”, а точнее, исторической драмы, которая развернулась в международных отношениях в 30-е годы.

Основными задачами Гитлера в этой игре были:

- полное снятие ограничений германского суверенитета, в том числе в военно-промышленной сфере;
- наращивание военно-экономического потенциала;

– обретение военно-политических и экономических союзников;

– предотвращение и расстройство реальных и потенциальных антигерманских коалиций;

– политическое и военно-экономическое ослабление основных противников;

– поэтапное решение – дипломатическими и военными мерами – задачи подчинения Германии ряда окружающих государств.

Соотношение сил сначала явно было не в пользу Германии, и Гитлер до определенного момента не был заинтересован в открытом военном столкновении с Францией и ее союзниками. В то же время откровенность Гитлера относительно агрессивно милитаристского характера его внешней политики, представлявшей угрозу “демократическому Западу”, с одной стороны, а с другой – об экспансионистских планах по отношению к большевистской России – все это побуждало основных международных “игроков” осуществлять “политику умиротворения” на Западе, подталкивая Гитлера к экспансии на Восток. Причем помимо пацифистских иллюзий ряда государственных деятелей, другим основным мотивом такой близорукой политики был воинствующий антисоветизм “западных демократий”. Так, вспоминая уже в начале 60-х годов ситуацию “Мюнхенского соглашения”, бывший премьер-министр Франции Даладье признал, что в то время “идеологические проблемы часто затмевали собой стратегические императивы”³.

Геополитический и идеологический раскол Запада в 30-е годы вызвал потребность в использовании СССР как значимой военно-политической силы в “большой игре” за мировое господство между “демократическими” и “тоталитарными” режимами. При этом

англосаксонский мир проводил свою традиционную – в течение по меньшей мере трех столетий – по отношению к России политику натравливания наиболее сильных континентальных держав друг на друга с тем, чтобы ослабить и по возможности устранить геополитических соперников: так было в Первую мировую войну, в которой Англии удалось столкнуть Германию и Россию, что вызвало в них революционные потрясения и крах имперских систем, так было и во Вторую мировую войну, когда посредством Мюнхенского сговора Англия и Франция толкали Гитлера на Восток.

В этих условиях главной внешнеполитической целью СССР было избежать (или как можно дольше оттянуть) вовлечение в назревавшую мировую войну, а задачами, которые пришлось решать Сталину, являлись:

- наращивание военно-экономического потенциала, что обеспечивалось, прежде всего, форсированной индустриализацией первых пятилеток;
- недопущение внешнеполитической и экономической изоляции СССР;
- предотвращение складывания потенциальных антисоветских коалиций и ослабление реально формирующихся;
- создание, по возможности, собственных коалиций, а в идеале – создание системы коллективной безопасности в Европе.

Не стоит забывать, что на Востоке у СССР был серьезный потенциальный противник в лице Японии, которого также следовало нейтрализовать. Основным средством достижения внешнеполитических целей была игра на многочисленных противоречиях западных стран.

Гитлер искусно играл на антибольшевистских настроениях западных держав, лелеявших планы столкнуть и тем самым ослабить и уничтожить два диктаторских режима. На этапе вплоть до

пакта с СССР ему удалось достичь очень многого – фактически, решения всех своих основных промежуточных задач. Гитлер успешно блокировал попытки создания региональных систем безопасности, например:

- Восточного пакта между СССР, Чехословакией и странами Прибалтики;
- сформировал в 1936–1937 гг. Антикоминтерновский пакт с Японией и Италией;
- способствовал победе Франко в Испании;
- стимулировал антисоветские настроения в крупнейших западных странах, предотвращая их сближение с СССР.

В то же время, еще в 1935 г. между Берлином и Лондоном было подписано морское соглашение, дезавуировавшее пункт Версальского мирного договора, запрещавшего Германии строительство военно-морского флота. Началось англо-германское сближение, причем Англия и США активно разжигали экспансионистские настроения Германии и Японии против СССР.

В 1937 г. велись англо-германские переговоры о гарантиях целостности Британской империи и свободе рук для Германии в Центральной и Восточной Европе. Франция также все больше отдалялась от СССР, а французская система региональных союзов (Малая Антанта и советско-франко-чехословацкий договоры) оказалась в кризисе.

Активно осуществлялась милитаризация Германии: в 1935 г. в нарушение версальских ограничений был создан вермахт, а в 1936 г. немецкие войска вошли в Рейнскую зону, не получив отпора.

В марте 1938 г. произошел аншлюс Австрии. Западные демократии не реагировали, потакая агрессору. Они не раз демонстрировали “понимание законности” территориальных претензий

Германии в отношении Австрии, Дании и даже Чехословакии.

Под видом самоопределения Судетской области Чехословакию вынудили удовлетворить притязания Гитлера “в интересах сохранения мира”. Франция открыто предала своего недавнего союзника.

Мюнхенское соглашение конца сентября 1938 г. радикально изменило ситуацию в Европе, предоставив Гитлеру огромный военно-промышленный потенциал Чехословакии, выгодное стратегическое положение для нападения на Польшу, а в перспективе – и для агрессии на Восток. Но главное, оно подтвердило полную безнаказанность и отсутствие противодействия фашистской агрессии. Была упущена последняя возможность раздавить еще не располагавшую достаточной мощью германскую военную машину, чей потенциал до захвата Чехословакии был существенно меньше совокупного франко-чехословацкого потенциала. А единство действий СССР (который не раз предлагал свою военную помощь), Франции и Англии могли легко остановить зарвавшегося экспансиониста.

В контексте всех этих процессов и событий международное положение СССР было очень сложным. Ни о какой мировой революции не было и речи, и СССР объективно был заинтересован в сохранении мира в Европе. Об этом свидетельствует и еще не преодоленная отсталость страны в индустриальном развитии, и многочисленные внешнеполитические шаги:

- заключение в 1935 г. договора с Чехословакией и Францией о совместной обороне против агрессии, под которой имелась в виду именно германская угроза;

- новая активная полоса (1933–1935 гг.) установления дипломатических отношений, в том числе с США;

- вступление СССР в 1934 г. в Лигу Наций;

- поведение СССР в условиях Мюнхенского кризиса;

- неоднократные предложения и инициативы, направленные на формирование системы коллективной безопасности в Европе, не нашедшие поддержки “западных демократий”.

В результате Мюнхена международная ситуация для СССР оказалась крайне напряженной: Франция не могла рассматриваться как надежный союзник, система коллективной безопасности отсутствовала, ни Восточный, ни Тихоокеанский пакты заключены не были. Была реальной перспектива изоляции перед лицом открытой агрессии одновременно с Запада и Востока, со стороны германо-японского альянса. Попытки добиться заключения союза с Англией и Францией летом 1939 г. не увенчались успехом, поскольку Лондон и Париж не хотели брать на себя конкретных обязательств, добиваясь односторонних преимуществ, и у СССР были все основания ожидать, что “западные демократии” намерены подставить его под удар Гитлера.

Одновременно осуществлялись тайные контакты Англии и Германии, причем в случае успеха Англия готова была отказаться от гарантий, данных Польше и другим странам, разделить сферы влияния.

В этих условиях для СССР оставалась только одна возможность: попытаться нормализовать отношения с Германией, и в случае развязывания войны в Европе обеспечивать собственную безопасность путем нейтралитета. Возможности здесь открывала и внешнеполитическая игра Гитлера, который остановился на варианте разгрома Польши в “молниеносной войне”, в результате чего западные союзники не смогли бы оказать ей помощь. Но для реализации этого плана Гитле-

ру также требовался нейтралитет СССР. Поэтому от Германии исходила инициатива активизации торгово-экономических отношений еще с конца 1938 г., что стало базой для более широких контактов.

Двойная игра Англии и Франции, очевидный провал переговоров с ними о заключении реального союза, информация о готовности Германии начать вооруженные действия уже в конце августа 1939 г. – все это подтолкнуло Сталина к заключению пакта с Германией о ненападении. Прочность этому союзу, по мнению сторон, должен был придать секретный дополнительный протокол, определявший разграничение “сфер интересов” двух стран в Восточной Европе и позволивший СССР извлечь определенные геополитические выгоды из сложившейся ситуации.

Авантюристическая решимость Гитлера не оставляла сомнений в нападении на Польшу в ситуации, пока существовали временные военно-экономические преимущества Германии, располагавшей самой боеспособной от мобилизованной армией в Европе, пока ее противники не развернули собственный потенциал. Не было сомнений и в том, что Польша будет разгромлена в течение одного-двух месяцев, а значит германская армия выйдет на ее восточные границы в непосредственной близости к Киеву и Минску.

Секретные протоколы пресекали эту возможность, улучшая стратегическое положение СССР, и обеспечивали его интерес, заключавшийся в том, чтобы войска вермахта остановились как можно дальше от его “старых” границ.

Вероятно, для того, чтобы закрепить статус военного нейтралитета СССР в условиях разгоравшейся мировой войны, Сталин пошел на дальнейшее сближение с Гитлером, заключив “Договор о дружбе и границе” (28 сентября 1939 г.), по которому, в частно-

сти, из сферы германских интересов переходила в сферу советских Литва. Оба договора не были безупречны с точки зрения норм международного права, но вполне соответствовали практике международных отношений того времени, не особенно щепетильных по части права и тем более морали. “С волками жить...”, в том числе и с “демократическими”...

В промежутке между двумя событиями – пактом и 22 июня 1941 г. – СССР, абсолютно обоснованно действовавший в интересах собственной безопасности, отодвигавший свои границы (кстати, в пределах Российской Империи, окраины которой были насильственно оторваны от нее немецкими оккупантами, польскими авантюристами Пилсудского, а также мелкими пограничными государствами – Румынией, Финляндией и др.) рассматривался “демократическим Западом” как враг. Враг, вызывавший тем большую ненависть, что “не оправдал надежд” и не попал в расставленную ими политическую ловушку.

Несмотря на прагматичную политику Сталина, разгадавшего замыслы коварных будущих союзников и заключившего вынужденный договор о ненападении с Гитлером, давший некоторую мирную передышку, избежать вовлечения СССР в мировую войну не удалось, и Англия, стоявшая перед угрозой немецкого вторжения на Остров, торжествовала: руки Гитлера оказались связаны на Востоке. Довольны были и США, оказавшиеся в положении “третьего радующегося”, смотрящего на взаимное уничтожение “живой силы и техники” своих противников со стороны и имевшие теперь возможность не спеша провести полномасштабную подготовку своего общества, экономики и армии к вступлению в войну в Европе в наиболее выгодный для себя момент.

Но от СССР это уже не зависело, как бы ни старался Сталин ускорить открытие “второго фронта” в Европе.

Подводя итоги анализа, можно сделать следующие выводы.

В военно-политической дуэли Сталин проиграл Гитлеру **тактически**, не сумев определить время фашистского нападения, и, тем более, не успев нанести превентивный удар.

С осени 1939 г. в СССР была свернута внутренняя и внешняя антифашистская пропаганда, осложнились отношения со многими государствами, вступившими в противоборство с Германией. В определенной степени СССР связывала руки боязнь Сталина раньше времени спровоцировать Гитлера на войну. Трагическое начало Великой Отечественной 22 июня 1941 г., тяжелые поражения и отступление Красной Армии в первые месяцы войны – во многом следствие этих просчетов.

Однако стратегически по основным военно-политическим позициям Сталин выиграл.

Этих выигрышей было, по крайней мере, несколько. Прежде всего, Сталин переиграл дипломатии “западных демократий”, которые с самого начала хотели столкнуть СССР и Германию, повернув агрессию Гитлера на Восток. Вместо этого, в результате заключения пакта с СССР Гитлер направил свой первый удар против стран Запада. Тем самым СССР:

- предотвратил возможные коалиции и соглашения фашистской Германии с западными демократиями;

- прорвал международную изоляцию, фактически сложившуюся в результате “Мюнхенского сговора”;

- в перспективе получил в лице западных стран потенциальных военно-политических союзников, которые стали реальными с началом германской агрессии против СССР;

- выиграл время, использованное на форсированный перевод промышленности на военные рельсы, модернизацию и мобилизацию армии;

- ослабил потенциальный удар против СССР гитлеровской Германии, вынужденной рассредоточить силы и держать их на Западе, участвуя в боевых действиях, а также в оккупированных странах;

- отодвинул границы СССР на несколько сотен километров, тем самым “погасив” силу германского удара из-за растягивания коммуникаций, предотвратив мгновенный захват Ленинграда и отсрочив форсированное продвижение вглубь советской территории в условиях, когда каждая неделя имела существенное значение;

- заключением пакта с Германией в период конфликта СССР с Японией Сталин ослабил Антикоминтерновский пакт и фактически лишил Гитлера активного стратегического союзника на Дальнем Востоке, готового одновременно с Германией нанести военный удар на советских восточных границах.

Нападение фашистской Германии на СССР автоматически превращало его в союзника “западных демократий”. И совместная борьба с гитлеровской Германией изменила многие внешние формы взаимоотношений, в том числе изменился характер и тон взаимной пропаганды, произведший инверсию официальных образов с образа врага на образ союзника. “Братство по оружию” стало доминирующим ядром этого образа, а “классовые” оценки попросту игнорировались.

Однако лидеры союзников – они же вожди народов разных цивилизаций и социально-экономических систем – никогда не забывали “кто есть кто”. Хотя в разгар противостояния с фашистской угрозой западные союзники доносили до своих народов правдивую информацию о подвиге Сталинграда, других

крупных битвах, что поднимало их собственный моральный дух, внушая веру в успех в борьбе с ранее “непобедимым III Рейхом”, но одновременно в тайне от СССР велись приготовления “на будущее” – создавалась ядерная бомба, готовились планы по послевоенному противостоянию с СССР.

В последние годы все чаще предвещают внешнюю политику СССР 30-х годов оценивают с моральной точки зрения.

Однако следует подчеркнуть, что в те годы каждая из крупных стран вела свою игру: имела свои интересы, часто противоречившие другим странам, свои, всегда относительно ограниченные ресурсы для их реализации, ставила свои цели, вступала для их достижения в различные коалиции, выигрывала или проигрывала в конкурентной борьбе на мировой арене.

Ни один из участников “большой игры”, включая “западные демократии”, отнюдь не руководствовался соображениями морали, а только собственными интересами и принципом “каждый за себя”.

Тайная дипломатия, секретные протоколы, разделение “сфер влияния”, попрание норм международного права, предательство недавних союзников, –

все это было весьма обычным в международной практике 30-х годов.

Западные демократии “отметились” в подобных действиях отнюдь не меньше Сталина и Гитлера.

Чего стоит одно только Мюнхенское соглашение!

Наконец, собственную безопасность и интересы демократический Запад намеревался обеспечить, прежде всего, за счет СССР, сложными политическими интригами пытаясь столкнуть в военном противоборстве германский фашизм и российский большевизм. Но в результате ни один из западных (да и восточных) политиков в мастерстве политической интриги оказался несопоставим со Сталиным, проявившим себя действительно лучшим политическим стратегом того времени.

К оценке этой исторической личности можно подходить с разными критериями. С современных позиций вполне очевидно, насколько соглашения СССР с фашистской Германией содержат морально-правовые изъяны. Однако, не предвзято учитывая всю совокупность обстоятельств того времени, как дипломату и политическому стратегу, действовавшему в конкретно-исторической обстановке в интересах своей страны, Сталину следует воздать должное: действовал он профессионально и адекватно.

Примечания

¹ *Вентцель Е.С.* Исследование операций. М., 1980. С. 174–176, 179.

² *Гитлер А.* Моя борьба. Ашхабад, 1992. С. 567, 566.

³ Цит. по: Великая Отечественная война. 1941-1945. В 4-х книгах. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 21.